

Кэти Берчэл

Последнее
слово

Москва
2024

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44
Б52

Перевод с английского Елизаветы Радчук

Берчэл, Кэти

Б52 Последнее слово / К. Берчэл ; [пер. с англ. Е. Радчук]. — М. : Эвербук/Дом историй, 2024. — 512 с. — (Ромкомната: любовные романы).

ISBN 978-5-0058-0450-1

Харпер Дженкинс — блестящая журналистка, которая всегда знает, чего хочет. Она ведет светскую хронику в журнале «Нарратив» и может разговорить даже самых упрямых голливудских звезд.

Райан Янссон — талантливый репортер и отличный редактор. Он любит порядок, всегда соблюдает дедлайны и, ко всему прочему, выглядит, как настоящий Адонис.

Больше десяти лет назад Харпер и Райан вместе проходили журналистскую стажировку, во время которой... возненавидели друг друга. И когда несносный главред «Нарратива» нанимает Райана на должность шеф-редактора, они с Харпер вновь становятся заклятыми коллегами. Вокруг летают искры, ведь им просто необходимо выяснить: за кем же останется последнее слово?

Идеальный производственный ромком «от ненависти до любви» для поклонников книг «Мой любимый враг» и «Пляжное чтение».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

THE LAST WORD

© 2023 by Katy Birchall.

All rights reserved.

© Радчук Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй»,

2024

ISBN 978-5-0058-0450-1

Бену

ПРОЛОГ

Вопрос всплывает в конце вечера, когда мы передаем друг другу большую коробку шоколадных конфет, а Мими разливает по бокалам вино, чтобы в ее холодильнике не осталось недопитых бутылок. Неделя была долгой и утомительной, поэтому Мими позвала несколько человек из офиса поужинать и выпить у нее в пятницу, что оказалось абсолютно необходимо всем.

— Вот вам забавная вещь для размышления, — заявляет Доминик. — Поможет нам лучше узнать друг друга, как мне кажется.

Мими улыбается и садится на свое место во главе стола.

— Интригующе.

— У меня есть кузина. Ей тридцать один, она работает в модном журнале и обожает свое дело, но ее парню предложили работу мечты в Нью-Йорке. Итак, вопрос: ей стоит остаться в Лондоне, на работе, которую она так старалась получить, но рискнуть перейти с мужчиной мечты в отношения на расстоянии *или же* уволиться и рискнуть остаться безработной по ту сторону океана, но сделать выбор в пользу любви? —

спрашивает Доминик с приподнятой бровью, вращая вино в бокале. — Что думаете? Остаться или бросить все?

— Хм-м-м... — Ракхи складывает руки на груди. — А она считает, что этот парень — Тот Самый?

— Она в этом уверена. — Доминик кивает.

— Ну, тогда все просто, — говорит Мими, пожимая плечами. — Ей нужно переезжать в Нью-Йорк.

— Можно было догадаться, что ты ответишь именно так, — ухмыляется ей Доминик. — Ты всегда была романтиком.

— Я соглашусь с Мими, — добавляет Эми. — Лучше сделать выбор в пользу любви. Она еще и в Нью-Йорк переедет! Элементарно.

— Я не уверена, суд присяжных еще не вынес решение, — заявляет Ракхи, подняв руки. — Мне нужно больше времени на размышления. Везде есть свои плюсы и минусы.

Доминик смеется.

— Ладно, дадим тебе еще времени. — Затем он переводит взгляд на меня. — Харпер?

Я делаю глоток вина, будто раздумываю, но на деле я знала свой ответ еще до того, как Доминик закончил формулировать вопрос.

— Я бы осталась, — говорю я в подтверждение своих мыслей. — Она много работала ради своей карьеры. Зачем рисковать всем этим из-за...

Я делаю паузу и пожимаю плечами.

— Любви? — заканчивает за меня Мими.

— Именно, — киваю я.

— Еще один ответ, который все мы могли предугадать. — Доминик вздыхает, одаривая меня понимающей улыбкой, и мелодраматично продолжает: — Ты слишком хороша в своей работе, чтобы ставить на первое место такой пустяк, как *любовь*.

Я поднимаю бокал.

— Так и есть.

— О, а я бы не была так уверена, — говорит Мими. — Я думаю, ты изменишь свое мнение, если встретишь нужного человека. Стоит Харпер влюбиться по уши, и она проявит себя самым настоящим тайным романтиком. Если хотите знать мое мнение, такой человек где-то есть. Харпер просто нужно дать ему шанс.

Я смеюсь и качаю головой.

Я знаю, что Мими неправа, но не возражаю.

Потому что тогда мне пришлось бы объяснять, почему я так считаю.

Пришлось бы рассказывать, что однажды я *уже* дала кое-кому шанс. Кое-кому, кто абсолютно свел меня с ума, с кем у меня был бурный, головокружительный роман, из тех, о которых пишут книги, снимают кино и поют песни. Этот кое-кто действительно знал и понимал меня, и с ним я чувствовала себя так, словно я — та самая, кто нужен ему для счастья.

Все происходило, как и должно, как мне рассказывали: я терялась в его глазах, когда он смотрел на меня; я постоянно думала о нем, когда должна была заниматься другими вещами. Как только я отдалась ему, я почувствовала себя полнотью опьяненной. Меня захватили причудли-

Кэти Берчэл

вые мечты о том, как будут развиваться наши отношения, о совместном будущем.

Когда я была с ним, остальной мир попросту меркнул.

Мими этого не знает, но я уже встретила того самого человека, того, кто показал мне, что значит влюбиться по уши.

Но я усвоила урок.

Так что, хоть я и не скажу этого вслух, Мими ошибается: мои приоритеты уже не изменятся. С тех пор работа всегда была, есть и будет на первом месте. Никто не сможет переубедить меня, в этом я уверена.

Любовь больше не возьмет надо мной верх.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пять месяцев спустя

— Если что, я вам ничего не говорила.
— Я подпрыгиваю от шепота, раздавшегося прямо у меня за спиной, оборачиваюсь и вижу женщину лет двадцати пяти, одетую в черное облегающее платье. На ногах у нее туфли на высоком каблуке, а в руке полупустой фужер с шампанским.
— Простите, — говорю я. — Это вы мне?

Она кивает и осматривается, чтобы убедиться, что мы на подъездной дорожке одни. В здании в нескольких ярдах от нас грохочет вечеринка. Было нелегко забрать свою куртку у гардеробщика, недовольного тем, что его оторвали от разглядывания звезд. У группы «Дарк Лайтс», удостоенной «Меркьюри Прайз»¹, вышел долгожданный альбом, и в честь этого здесь собралось прилично знаменитостей.

¹ Mercury Prize — ежегодная музыкальная премия, присуждаемая за лучший альбом, в Великобритании и Ирландии. (*Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*)

Я пристально рассматриваю лицо этой женщины — сильно подведенные карие глаза, идеально очерченные брови, безупречная кожа, тонкие черты и острый подбородок — в попытке понять, к какой категории знаменитостей она относится. Она безумно красивая, высокая и стройная, поэтому вполне могла бы сойти за модель или актрису, но при этом она настолько стильная и ухоженная, что в теории может работать в индустрии моды, мейкапа или причесок.

Предполагаю, что она может быть и журналисткой, как я, — хотя, если судить по ее образу, она должна работать в одном из тех топовых глянце-вых журналов, которые предоставляют тебе целый шкаф модной одежды, и уж точно не писать для журнального приложения к национальной газете.

— В общем, если что, я вам ничего не говорила, — тихо повторяет она, — но Одри Эббот согласилась на главную роль в новой пьесе. Репетиции вот-вот начнутся.

— Что?

— Режиссером-постановщиком будет Габриэль Рид, — продолжает женщина.

— Та, которая в прошлом году поставила «Трамвай „Желание“»¹ в «Олд Вике»²?

¹ «Трамвай „Желание“» (англ. *A Streetcar Named Desire*) — одна из самых известных пьес Теннесси Уильямса, закончена в 1947 году. За эту пьесу Уильямс был удостоен Пулитцеровской премии (1948), а в 1952 году выдвигался на соискание премии «Оскар» как автор сценария к киноадаптации 1951 года с Вивьен Ли и Марлоном Брандо в главных ролях.

² Олд Вик — театр в Лондоне, расположенный к юго-востоку от станции «Ватерлоо» на углу Кат и Ватерлоо-роу.

— Она самая. Она хотела отдать роль Одри с той самой минуты, как прочла пьесу. Это будет первая актерская работа Одри за последние...

— Шестнадцать лет. — Я с подозрением смотрю на нее. — Кто вы такая? И откуда вам это известно?

Она виновато мне улыбается.

— Я личная ассистентка Габриэль Рид. Николь. Приятно познакомиться.

— Взаимно, — говорю я. — Но должна предупредить вас: я журналистка. Так что, если хотите забрать свои слова обратно, можем притвориться, что ничего не было. Не хочу создавать вам проблем.

— Я знаю, кто вы такая, Харпер Дженкинс, — говорит она и поднимает брови, забавляясь. — Я весь вечер ждала, чтобы поговорить с вами наедине.

Я моргаю.

— Я... простите, не совсем понимаю. Мне, конечно, очень приятно, что вы ко мне подошли...

— Одри Эббот — хороший человек, — заявляет Николь. — И она не заслужила того, что писала о ней пресса после... Инцидента.

— Уверена, так и есть. — Я вспоминаю о том вихре, в который попала Одри в 2007 году.

— Она заслуживает, чтобы ее историю рассказал правильный человек.

Я улыбаюсь ей.

— Я польщена. Но все знают, что Одри Эббот терпеть не может журналистов. После инцидента, как вы его называете, она ни разу не давала

ни интервью, ни даже комментариев. Если то, что вы говорите, — правда и она согласилась на эту роль, сомневаюсь, что она станет общаться с прессой.

Николь кивает.

— Это не отменяет того факта, что та история снова всплывет наружу и никто не узнает ее версию событий. — Она сжимает челюсти. — Это несправедливо.

Я вздрагиваю от сигнала подъехавшей машины и понимаю, что это мой «Убер». Я обаятельно улыбаюсь водителю (по крайней мере, надеюсь, что это выглядит именно так) и поднимаю палец, чтобы показать, что буду через минуту. Затем поворачиваюсь к Николь.

— Я считаю, что именно вы должны написать статью о ее возвращении, — в спешке говорит она. — А не тот парень из «Экспрешн».

— Джонатан Клифф? — Я кривлю лицо. — Он об этом знает?

— Пока что нет... все держится в строжайшем секрете. Но я слышала, что один из продюсеров рассматривает его кандидатуру.

— Кошмарная идея. Он ведь писал об Одри ужасные вещи.

— Я знаю. Как им даже в голову пришло позвать кого-то вроде него?

Я вздыхаю.

— Он может предложить им разворот в известном ежемесячном журнале. Такие публикации — редкость, особенно для пьес. Глянec обычно предназначен для актеров, продвигающих коммерческие фильмы. — Я прикусываю

губу. — Одри Эббот — икона. Она заслуживает кого-то получше, чем Джонатан Клифф.

— Поэтому я и пришла к вам, — говорит Николь. — Рано или поздно все узнают, что она присоединилась к актерскому составу, и я хочу убедиться, что человек, который расскажет об этом, будет видеть Одри той, кто она есть на самом деле, видеть ее будущий путь. И не станет фокусироваться на том, что случилось с ней в прошлом.

— Очень дерзко с вашей стороны сообщать мне об этом, — говорю я, изучая ее лицо. — Я впечатлена.

Она улыбается:

— Хороший журналист никогда не раскрывает своих источников.

— Никогда.

— Так что, вы возьметесь за статью? — с надеждой спрашивает Николь.

— Если Одри позволит. Будет непросто добраться до нее.

— Если она и станет с кем-то говорить, то это будет человек вроде вас, — уверенно заявляет Николь. — Вам просто нужно сделать это раньше других.

Водитель в нетерпении сигналил мне.

— Мне пора идти, — я жестом указываю на машину. — Спасибо, Николь.

— Я вам ничего не говорила.

— О чем это вы? — Я ухмыляюсь ей. — Наслаждайтесь вечеринкой.

— Спасибо, Харпер. Удачи.

Застучав каблуками по дорожке, она возвращается в здание. Я извиняюсь перед водителем

за ожидание и пытаюсь откопать в своем огромном шопере телефон. Я вбиваю «Одри Эббот» в Гугл, чтобы найти ее агента. Когда всплывает имя, я ухмыляюсь. Шамари.

Ее телефон сразу переключается на автоответчик, и я понимаю, что она, наверное, спит, ведь уже почти два часа ночи. *Упс*. Вечеринка превзошла мои ожидания. По почте это обсуждать ни в коем случае нельзя, так что я решаю первым делом завтра поговорить с ней.

Перед тем как бросить телефон обратно в бездну своей сумки, я читаю сообщения от Лиамы в Вотсапе. Несколько часов назад он писал, что останется у меня, если я не против, потому что у его соседа свидание и он не хочет мешаться, и вообще он надеется, что вечеринка проходит хорошо, и, если есть такая возможность, он бы хотел присоединиться ко мне и приедет, как только я отвечу.

Я на мгновение чувствую сожаление, что дала ему ключи от квартиры, но следом меня накрывает волной вины. Мы встречаемся уже три месяца, и, кажется, теперь он официально «мой парень». Он мне правда нравится — амбициозный, энергичный и увлеченный своей карьерой, а меня это очень заводит. Не говоря уже о том, что он привлекателен — типаж такого горячего, неряшливого музыканта.

И вообще, очень мило с его стороны оставить квартиру в распоряжение соседу и его девушке. Но я не уверена, что была готова к тому, что сам он так скоро обустроится в моей квартире — особенно учитывая, что меня там нет.

Кажется, я так долго жила одна, что привыкла к этому.

И все же я рада, что не увидела его сообщений о вечеринке. Будь он там, Николь вряд ли бы подошла ко мне.

Одри Эббот. Я фанатела от нее в подростковом возрасте. Элегантная и роскошная во всем, что бы ни делала... Британская актриса с классическим образованием и аурой роскошности, она была мастерицей сдержанности и могла заставить вас почувствовать то же, что и ее персонаж, едва используя мимику.

Ее карьера началась с театра, затем она перешла к фильмам. Одри приобрела известность, когда ей было около тридцати, и в последующие годы несколько раз сыграла в голливудских хитах — ей доставались и главные, и второстепенные роли. Она выиграла «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана; фильм оказался таким нудным, что я даже не поняла концовку, но Одри в нем была настолько потрясающей и настоящей — суровая, выкуривающая сигарету за сигаретой жена хозяина ранчо, с которой жестоко обошлась судьба, — что я высидела два часа, наблюдая за сердитыми мужиками и их разговорами о скоте.

Когда произошел Инцидент, я была подростком. Мне стало очень обидно за Одри, и я злилась из-за жестоких заголовков в прессе. Впоследствии она исчезла с радаров и перестала сниматься в фильмах, хотя ей было всего около сорока. Она стала чем-то вроде шутки... Инцидент всплывал снова и снова, и комики, да и вся

поп-культура, с насмешкой ссылались на нее. Несколько лет назад ей посвятили строчку в хитовой песне, а ведущий подкаста назвал ее «публичный срыв» культовым.

Добравшись до квартиры, я четко понимаю, что я — единственный человек, который должен написать о возвращении Одри.

Я осторожно проворачиваю ключ в замке, на цыпочках вхожу и тихо закрываю дверь. Из спальни раздается громкий храп. Я оставляю сумку на кухонном столе и прокрадываюсь в ванную. После тщетной попытки смыть макияж я чищу зубы и, сняв зеленое платье-рубашку длиной до колена, бросаю его на пол. На пути к своей половине кровати я спотыкаюсь об одну кроссовку и следом о вторую. Я смутно помню, что бросила куда-то на одеяло безразмерную серую футболку, в которой спала прошлой ночью, и с триумфом нащупываю ее скомканной в ногах постели.

Мне бы хотелось быть той девушкой, которая спит в шелковом белье или фешенебельной облегающей пижаме, но в футболке на пару размеров больше есть что-то уютное. Мы с Лиамом уже точно прошли тот этап, где мне нужно притворяться, что я сплю голой, — а именно такое впечатление мне хотелось производить в самом начале.

Я залезаю в постель, но вспоминаю о телефоне, поэтому снова выбираюсь из спальни, чтобы отыскать его в необъятных глубинах своей сумки.

Внутри которой весьма разнообразное содержимое: наполовину исписанные записные

книжки, диктофон, помады без колпачков и карандаши для глаз, упаковки салфеток, бесчисленные ручки, забытые визитки, пробники духов, скомканые чеки, пачки жвачки, заброшенный крем для рук, несколько футляров для солнцезащитных очков (неясно, *лежат ли* в них очки), расческа и психологический триллер, который я сейчас читаю. Мне сложно найти время на чтение для удовольствия, но, когда оно все-таки находится, я предпочитаю захватывающие истории с неожиданными сюжетными поворотами и саспенсом. У меня нет времени на длинные описания мрачных пейзажей. Я хочу знать, кто кого убил и почему.

Я завожу будильники на 5:55, 5:57, 6:00, 6:03 и 6:05, осторожно кладу телефон на прикроватную тумбочку и забираюсь под одеяло. Закрываю глаза. Лиам громко храпит.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него сквозь темноту.

Зная, что спать мне осталось всего три часа, я мысленно приказываю ему заткнуться. Грубо игнорируя меня (в связи с бессознательным состоянием), он продолжает свою носовую симфонию, пока я не бью его по руке.

— Лиам, — шепчу я, — ты храпишь.

Толком не проснувшись, он что-то бормочет и переворачивается, затихая.

Довольная, я тоже отворачиваюсь.

Когда Лиам опять начинает храпеть, я стону и натягиваю одеяло на голову, принимая свою судьбу. Сама виновата. Я знала, что Лиам храпит, и даже собиралась купить беруши, но постоян-

но забывала об этом. Еще я жалею, что дала ему ключи. Хотя, учитывая прошлую неделю, выбора у меня не было.

Лиам остался у меня в пятницу, и на следующее утро мы вышли за кофе, чтобы потом вернуться и приготовить поздний завтрак. Мы ждали напитки, и тут мне пришло сообщение от агента, что одна из ее супермоделей собирается объявить в Инстаграме¹ о завершении своей карьеры в двадцать восемь лет — вообще-то, она планирует купить фруктовую ферму в Девоне — и не хочу ли я эксклюзив? И если да, то смогу ли приехать прямо сейчас?

Я виновато бросила Лиаму в кафе и убежала со своим флэт уайтом. Телефон я не проверяла до самого конца интервью. Оказалось, что Лиам оставил в моей квартире куртку, где лежали ключи от дома и бумажник, и все это время просидел в кафе. Чувствуя себя ужасно, я попыталась дозвониться до него, пока мой телефон не умер.

В понедельник я дала Лиаму ключи.

Не знаю, сколько в итоге я поспала, но, когда срабатывает первый будильник, я чувствую, будто закрыла глаза секунд на тридцать.

Лиам ворчит.

Я шепотом извиняюсь, но он уже снова уснул. Я пытаюсь задремать, но, когда звонит третий будильник, наконец заставляю себя выбраться из постели и иду в ванную, отбрасывая в сторону помятое вчерашнее платье.

¹ Социальная сеть, принадлежит компании *Meta*, признана в России экстремистской.